

ВЛАДИЛЕН ЕЛЕОНСКИЙ

Испытатель

ШПИОН ТОВАРИЩА СТАЛИНА

Владилен Елеонский Испытатель. Шпион товарища Сталина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19489280

ISBN 9785448304521

Аннотация

Советский лётчик-испытатель желает остаться в Германии, здесь его ждёт любовь, ради неё он идёт на преступление, однако волею судьбы возвращается в СССР Героем Советского Союза.

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Судьбоносный день	12
Глава вторая. Шило	40
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Испытатель Шпион товарища Сталина Владилен Елеонский

*Пилоту гражданской авиации
Валентину Чичерину посвящается*

© Владилен Елеонский, 2016

ISBN 978-5-4483-0452-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

*Бегу я, лапками стуча,
Подшипники скрипят, ворчат,
Круженье дней, похожи все,
Но есть спасенье в колесе!*

Владилен Елеонский, Бельчонок в колесе

Мой отец находился под административным надзором, как бывший сельский священник. Впрочем, заниматься пасекой надзор не запрещал. Отец гнал новому пролетарскому государству первоклассный липовый мёд на зависть председателю местного колхоза.

Зависть председателя была белой, поскольку производство мёда колхоз не интересовало. Первостепенная его задача состояла в том, чтобы морозоустойчивая пшеница повышенной урожайности непрерывным потоком бурно текла в бездонные закрома Родины на благо родной Рабоче-крестьянской Красной армии.

Отцовский мёд выручил, он стал, можно сказать, палочкой-выручалочкой, когда наш куратор из НКГБ Геннадий Лобок, над фамилией которого, кажется, посмеивался сам товарищ Сталин, застукал меня в уютном тёмном углу с лаборанткой Верой, которая оказалась первоклассным специалистом не только в области тестирования поршневых двигателей.

Наверное, я был привлекательный мужчина. С волнистой шевелюрой, тёплым взглядом серых глаз, подтянутый, интеллигентный, такой весь из себя бодрячок с вечной обаятельной широкой белозубой улыбкой на чётко очерченных устах.

Одним словом, лётчик-испытатель, и этим всё сказано. Как видно, мечта любой женщины!

Однако, как и Вера, я был полностью, или почти полностью, поглощён работой. Целыми днями я пропадал то в небе, то в конструкторском бюро, то в рабочем цеху, вместе с инженерами терпеливо объясняя рабочим, какую особенность конструкции самолёта им не удалось в полной мере воспроизвести по чертежам.

Не знаю, чем, в конечном счете, она, ядрёная глазастая брюнетка из сибирской глубинки, завлекла меня в свои сети, может быть, смешными нейлоновыми чулками, которые я раньше никогда не видел, кстати, чрезвычайно удобными именно для проведения тех скоротечных встреч, которым нам приходилось изредка предаваться.

Надо сказать, что в то замечательное и кому-то сейчас очень далёкое время американские нейлоновые чулки были страшнейшим дефицитом. В самих США они едва-едва появились, поэтому у нас их носили лишь любовницы наркомов, да и то не все.

Остальные советские женщины лишь после войны, точнее, в середине пятидесятых годов прошлого столетия, смог-

ли испробовать нейлоновое чудо лёгкой промышленности, превращавшее практически любые женские ноги в ножки богинь.

Бесполезно было объяснять Лобку, что моя жена давно ушла к рыжему здоровяку-интенданту, благоразумно променяв тоскливое ожидание мужа из его нескончаемых испытательных полётов на полноценную половую жизнь на приятных китайских шёлковых простынях и еженедельные театральные походы, каждый из которых захватывает воображение предстоящим выходом в свет в новом сногшибательном наряде.

Тем более бесполезно было рассказывать об отсутствии какой-либо полноценной личной жизни у несчастной Верочки, которая работала в своей лаборатории день и ночь, как ломотовая лошадь, причём не где-нибудь, а на ответственной апробации макетов французских и американских двигателей, которые планировалось кардинально улучшить под потребности новейших советских истребителей.

Муж Веры, худющий, как трость, очкарик-архитектор, ушёл к балерине. Прежде чем хлопнуть дверью, он фальцетом выкрикнул в дверной проём коммунальной квартиры, что ему не интересна жена, сутками пропадающая на работе и приползающая, наконец, домой в таком виде, который не доставляет никакого эстетического наслаждения.

Правда, Лобок не требовал никаких объяснений. Он просто взял меня «на карандаш».

Нельзя, заниматься посторонними вещами на рабочем месте. Никто не спорит!

Великолепные цветные плакаты (сколько же средств на них угробили!) сочно изображали колоритную работницу в алой косынке, которая, строго нахмутив брови и подняв вверх указательный палец, с леденящим душу видом строго предупреждала: «Враг коварен, будь начеку!» Они были щедро развешаны везде, даже, кажется, над очками в просторной заводской уборной и, конечно же, в цеху перед токарными станками, а также во всех тёмных углах секретной лаборатории Веры.

Я всегда был глубоко убеждён, что в бездушных правилах скрывается Инструкция Зазеркалья, так я её мысленно прозвал. Она гласит: «Внимательно читай, но поступай соответственно обстановке, зачастую в точности наоборот». Если запретов слишком много, а неумолимо, то любой здравомыслящий человек пойдёт по пути нарушения запретов.

Однако, судя по всему, мы с Верочкой превысили лимит терпения не только правил, но и антиправил. Надо было видеть лицо Лобка в тот трепетный момент!

Обычно взмокший, добрый и красный, Лобок стоял сухой, строгий и серый. Он смотрел на нашу с Верой сцену так, словно видел её с трибуны Мавзолея на Красной площади во время очередного феерического парада физкультурников и физкультурниц с умопомрачительными гимнастическими фигурами на движущихся помостах.

Мы с Верой сделали вид, что ничего такого не происходит, – естественный рабочий процесс апробации. Лобок шумно выдохнул, демонстративно пометил что-то в своём внушительном потёртом планшете и двинулся дальше, – искать в заводских джунглях следующих жертв.

Мудрая Вера звонко рассмеялась только после того, как мы закончили. Прощаясь, Вера подарила мне ядрёный, как она сама, каштановый орех. Видимо, для того, чтобы сгладить шероховатость, возникшую на свидании.

– Не знаю, почему, Валера, но я чувствую, что этот орех принесёт тебе удачу. Береги его, бельчонок. Слушай меня, мой прадед был шаманом!

Нет худа без добра. Я познакомился с самим Лобком, смешную фамилию которого руководство нашего секретного московского завода номер один произносило не иначе, как шёпотом, с придыханием и многозначительным закатыванием глаз вверх, словно Лобок был не обыкновенным куратором завода от органов, а его небесным ангелом-хранителем.

По крайней мере, все знали, что в Кремле куратор бывал часто, чуть ли не каждую неделю. Он докладывал о ходе работ по доводке нашего новейшего истребителя И-180 не кому-нибудь, а лично товарищу Сталину.

Проект И-180 по замыслу вождя должен был утереть нос хвалёному германскому Мессершмитту. Вроде бы всё к тому шло, но, как всегда, бочку мёда испортила чайная ложка дёгтя – досадные проблемы с двигателями преследовали на-

шу советскую авиационную промышленность до самого её конца.

Вновь ставить двигатель с воздушным охлаждением? Однако, не будет ли такое решение шагом назад? Весь мир переходит на двигатели водяного охлаждения. Именно Лобок, кажется, виртуозно убеждал товарища Сталина, что да, будет именно шагом назад.

В тот романтический период дружба с гитлеровской Германией набирала стремительные обороты. Взаимное доверие доросло до того, что завод «мессершмиттов» в Аугсбурге пригласил на работу по контракту нескольких советских лётчиков-испытателей, а мы в свою очередь пригласили к себе на завод кое-кого из германских пилотов.

К моменту, когда пришла разнарядка на отправку лётчиков-испытателей в Германию, мы с Лобком подружились настолько, что он не только пробил мою кандидатуру, но, более того, он выбил для меня блатную должность лётчика, ответственного за проведение демонстрационных полётов. Видимо, отцовский мёд, который к тому времени Лобок исправно получал почти каждую неделю, настолько укрепил его иммунитет, что он, набравшись сил, осмелился поручиться за меня перед самим товарищем Сталиным.

Формально Лобок упирал на то, что я – знаток немецкого языка, говорю на нём свободно с правильным берлинским произношением. Мне оставалось лишь поблагодарить своего деда, – профессора немецкой классической философии,

который, то ли в шутку, то ли всерьёз стал разговаривать со мной по-немецки едва ли не с пелёнок.

Вера, между прочим, по секрету озвучила мне свою версию. Во время праздничного прощального ужина в столовой завода, когда чествовали пилотов, убывающих в Берлин, она доверительно шепнула мне, что Лобок спрашивал у неё совета по поводу моей роли в Германии, и она предложила поставить меня на демонстрационные полёты.

Верилось с трудом, но кто знает, пойдёшь, теперь проверь! В тот вечер Вера с тоской шепнула мне, что Лобок – странный человек с двойным дном, и она была бы рада продолжить наши прекрасные отношения, но страх перед Лобком её просто парализует.

Гораздо позже я узнал тайну каштанового ореха и нейлоновых чулок, но, видимо, имеет смысл рассказать обо всём по порядку.

Пока лишь скажу, что любой каштановый орех и любые нейлоновые чулки с тех пор вызывают у меня приступ гомерического смеха. Жизнерадостной всё-таки Вера была женщиной! Все болезни от нарушения кровообращения. Верочка обладала удивительной способностью его восстанавливать.

Глава первая. Судьбоносный день

*Бельчонок милый, не грусти,
И колесо своё прости,
Красивая судьба бельчонка —
В веснушках рыжая девчонка!*
Владилен Елеонский, Бельчонок в колесе

1

Все лётчики парились на авиазаводе в Аугсбурге, а я, как белый человек, поселился в уютном особнячке под Берлином неподалёку от аэродрома. В гостиной или на террасе в зависимости от погоды я беззаботно пил кофе с коньяком, хотя врачи предупреждали, что кофе со спиртным лучше не смешивать, вредно для сердца.

Ящик коньяка, да не какого-то, а настоящего французского, мне подарил начальник аэродрома. За что? Расскажу по порядку. Дело было так.

Едва я прибыл на аэродром, как мне предложили полёт. Начальник аэродрома стал свидетелем моего пилотирования.

Когда я на новеньком Мессершмитте играючи сделал «свечку», а затем круто спикировал прямо на его рабочий кабинет так, что, всем показалось, что сейчас самолёт влетит в окно, он, по всей видимости, испытал настолько забыва-

емые ощущения, что пожелал отблагодарить меня таким же незабываемым образом.

Коньяк, в самом деле, оказался превосходным. Часто я сидел в компании садовника Гельмута, щуплого немца со смешливыми не стареющими глазами старого дамского угодника, слушал его забавные рассказы о замысловатых наклонностях некоторых фрау и фрейлейн, доводя до совершенства свой немецкий язык, а когда прибегали его внуки, щедро сплавлял им решительно весь шоколад из своего обильного лётного пайка.

С лёгким чувством ждал я очередное задание на демонстрационный полёт. Так жирный кот ожидает на печи, жмурясь от удовольствия, когда же в избе скребнёт хоть одна сволочь-мышь.

Мои демонстрационные полёты проходили совсем не так часто, как я поначалу предполагал. Гитлеровским бонзам, как я сразу почувствовал тогда шестым чувством, на самом деле было не до демонстрационных полётов.

Конечно, позже мы все узнали причину. В тот момент на всех парах шла подготовка молниеносной войны с Советским Союзом. Блицкриг – так её называли немцы.

Основной истребитель для блицкрига на Востоке был давно готов, мало того, он был в каком-то смысле даже доведён до идеала, и все работы по его якобы кардинальному совершенствованию служили всего лишь прикрытием, скрывавшим истинные намерения гитлеровского режима.

Однако осенью тысяча девятьсот сорокового года, несмотря на то, что в воздухе витал запах войны, обстановка в Германии была настолько благожелательной и мирной, что, наверное, ввела бы в заблуждение потомственного ясновидящего. Что уж говорить обо мне!

Честно говоря, я ехал в Германию с невесёлым сердцем, поскольку искренне полагал, что впереди ждёт нудная монотонная работа, – серая жизнь белки в колесе. Даже орешки спокойно не погрызть!

Наверное, сказывалась усталость от работы на нашем заводе, где царили нескончаемые авралы, понукания и нервозность. Мы постоянно не успевали в срок, даже когда работали двадцать пять часов в сутки, наплевав на то, что в стуках всего лишь двадцать четыре часа.

Бюрократы и кураторы вместо хотя бы простой моральной поддержки, напротив, создавали ощущение, что над каждым рабочим, конструктором, лётчиком и уборщицей висит Меч Всевидящего Пролетарского Ока. Именно Оно всё знает и всё видит, – помыслы и чаяния, ошибки и просчёты, и лишь Оно одно на самом деле знает, прав ты или виноват.

Поэтому первые дни пребывания в Германии показались мне отпуском. Полётов было немного, а свободного времени – уйма.

Я занимался тем делом, которым любил заниматься на досуге. Ему меня научил дед, уверяя, что оно успокаивает нервы и привлекает удачу. Я садился в спальне наверху, откры-

вал свой заветный чемоданчик с инструментами и тачал игрушечные алые матерчатые башмачки.

Однако скоро моё особое положение закончилось, и Лобок, как видно, оказался бессилён. Стало не до башмачков! По настоянию Москвы меня отправили знакомиться с работой завода в Аугсбурге и участвовать в испытаниях нового Мессершмита.

2

Работу нашего завода в Москве я вкратце описал выше, поэтому никого не должно удивить, что, прибыв в Аугсбург, я сразу же впал в настоящий ступор, даже не побывав ещё толком в заводских цехах. Изумление пришло, когда я, прибыв на завод вечером, увидел окончание рабочего дня.

Сотрудники, ответственные за выполнение срочного правительственного задания, ровно в пять часов вечера дружно положили на место, кто карандаш, кто циркуль, а кто – гаечный ключ, и одним заученным движением чётко сняли с себя белые халаты. Дурачась и смеясь, словно воспитанники детского садика, они вышли на улицу, но, конечно, дальше двинулись отнюдь не в песочницу, а в пивную.

В просторном светлом зале их с нетерпением ждали превосходное баварское пиво и не менее превосходные баварские сосиски. Германские рабочие и инженеры показались мне марсианами!

Я сам не заметил, как втянулся и стал вести полноценную жизнь. Как ни странно, полёты после таких вечеров проходили гораздо легче и непринужденнее, а Мессершмитт вдруг стал гораздо охотнее открывать мне свои тайны, словно сразу почувствовал вдруг родную душу.

В скором времени я завалил руководство завода описанием недостатков, которые могли привести к гибели машины и пилота. Они, кажется, не знали, куда от меня деваться.

Основным преимуществом Мессершмитта, делавшим его опасным противником для советских самолётов в случае войны, была «длинная рука». Германский истребитель мог безнаказанно расстреливать вражеские самолёты, успевая вовремя уйти от ответного огня «на вертикаль».

Если противник Мессершмитта выживал после убийственной атаки сверху, у него, как правило, не хватало скорости, чтобы погнаться за немецким пилотом, который так завлекательно проносился мимо, аппетитно подставляя спину.

Разумеется, психологию не переделать никому, даже папаше Фрейдю. Атакованный пилот всё равно погонится, но он мгновенно потеряет скорость, круто карабкаясь «на вертикаль» вслед за Мессершмитом. Тогда Мессершмитт получал возможность развернуться и добить самолёт, потерявший скорость.

А если Мессершмиттов два? Тогда второй Мессершмитт добьёт атакованный самолёт, как кабана на охоте, стопро-

центно и наповал. Два Мессершмитта таким нехитрым «конвейером» могли валить на землю эскадрильи истребителей, не говоря о штурмовиках и бомбардировщиках.

Нехорошие мысли подкрадывались ко мне, но я гнал их прочь. Идите все к шуту, войны с Германией не будет и basta!

По крайней мере, тогда мне хотелось верить, что война между Германией и СССР, мягко говоря, не выгодна обеим сторонам. Благожелательность немецкой стороны искренне восхищала меня и давала серьёзные основания рассчитывать на мирное разрешение имеющихся идеологических противоречий.

Берлинская олимпиада тридцать шестого года показала всему миру, что нацистское агрессивное противопоставление человеческих рас друг другу – всего лишь игра, которую они взялись вести, чтобы морочить немцам голову. Фюрер, нисколько не краснея и не бледнея, с широкой белозубой улыбкой, выставив алую повязку с чёрной свастикой на левом рукаве френча, фотографировался направо и налево с чернокожим афроамериканцем – четырёхкратным олимпийским чемпионом по лёгкой атлетике Джесси Оуэнсом.

Понять логику Адольфа несложно. Кто платит, тот заказывает музыку. Олимпиада – престижное и денежное мероприятие.

Если завтра в нацистскую Германию щедрым нескончаемым потоком польётся золото на ковку оружия против воро-

бьёв, нацистский режим с пеной у рта будет доказывать, что воробы – главные враги человечества.

3

Светские вечера не прекратились, когда я снова вернулся в пригород Берлина, напротив, они стали более камерными и тёплыми. По приказу Геринга мы перегнали сюда десяток новейших Мессершмиттов для проведения демонстрационного парада и показательных воздушных боёв. Вместе с самолётами привезли техников и другой обслуживающий персонал, среди которых было много девушек и молодых женщин.

Однако дата демонстрации постоянно откладывалась. Мы не горевали, занимались апробацией самолётов в воздухе, выявляя недостатки сборки и самой конструкции, а вечерами культурно отдыхали в светлом белоснежном зале за бокалом вина у рояля.

Каждый вечер давал незабываемое расслабление. Я понял, что такое отдых, когда ты сидишь в ярко освещённом зале с высокими потолками, свободно развалившись в кресле, пьёшь сухое вино из пузатого бокала, слушаешь пение какой-нибудь сотрудницы завода, – Магды, Урсулы или Марлен, – и думаешь, думаешь, думаешь.

О чём? Нет, друзья, вовсе не о Мессершмиттах!

Почему женский голос, пусть не какой-то там особенный,

вдруг производит такое убийственное воздействие на мужчину, если льётся из стройного, как у богини, женского тела, прелести которого так явственно проступают даже сквозь глухое платье?

Ничего предосудительного в том я не видел. Тем более, что сам Лобок перед отправлением в Берлин дал мне своего рода напутствие.

– Знаю я тебя, Шаталов, самец, но ты тоже знай. Если стащишь с жёсткого стула национал-социализма хоть одну немецкую девушку и посадишь её в каком угодно положении в наше самое удобное советское кресло пролетарского интернационализма, я организую досрочное присвоение тебе звания подполковника и вручение Почётной грамоты лично от товарища Сталина!

Может быть, Лобок пошутил, мне некогда было размышлять, потому что в один из вечеров я впервые увидел Королеву Люфттваффе. Впечатление, надо сказать, было сильнее, чем от восхождения на «горку», – так называется одна из фигур высшего пилотажа. В общем, признаюсь честно, – дыхание перехватило.

Королевой Люфттваффе немецкие пилоты нежно называли очаровательную девушку-лётчицу. Её настоящее имя было Хелен фон Горн. Как мне позже доверительно сообщил всезнающий садовник Гельмут, она была известной планиристой, но вдруг решила переучиться на лётчика-истребителя.

Надо сказать, что в то романтическое время германское правительство всячески поощряло такого рода активность женщин и в принципе любая девушка, проявив некоторое упорство, могла стать пилотом, причём вовсе не почтовых бипланов.

Кстати, моим самолётным техником была девушка по имени Урсула Шиммель, между прочим, совсем не дурнушка, – тихая скромница, образцовый специалист, которому я спокойно доверял свою жизнь в виде готового к вылету самолёта. Когда во время полёта в фюзеляже сорвался болт, я не поверил, что виновата Урсула, встал за неё грудью, и оказался прав. Комиссия установила, что болт имел внутренний заводской дефект.

Однако что там Урсула! Хелен сразу затмила собой всех женщин.

Она, в самом деле, впечатляла. Королева Люфтваффе принципиально не носила платьев, – только форменные ту-журку и юбку, но они так сидели на ней, что никакого платья ей впрямь было не нужно.

Лицо, округлое, как Луна, завораживало с первого мгновения. Хрустальный взгляд серых глаз ввергал в глубокое изумление.

Точёная фигурка с гибкой талией и четко очерченными бёдрами казалась безупречной. Чарующие ножки ступали, словно они не шли, а плыли по воздуху, и всё в сочетании с величайшей непринуждённостью, тонким юмором и про-

стотой, что так ценят мужчины в женщинах, будь то в России, Германии или на островах Малайзии и Новой Гвинеи.

Я, что называется, запал и теперь думал лишь о том, как познакомиться с красавицей Хелен. Заметив как-то вечером мой встопорщенный вид, внимательный Гельмут сразу всё понял.

Он по секрету сообщил мне, что Хелен – птичка высоко-го полёта. Её, как будто бы взял под свою опеку сам Герман Геринг, правда, злые языки поговаривали, что ничего у него не вышло в плане интимных отношений. Помешал радикулит, но умница Хелен мастерски вышла из весьма пикантного положения.

Она так искренне озаботилась состоянием поясницы рейхсмаршала, что он, кажется, кроме оздоровительного массажа, не желал больше никакой иной близости. Руки Хелен были волшебными.

Девушка легко доказала ему, что посредством простейших похлопываний расслабленными ладонями по бёдрам и ягодицам можно прогнать любой, даже самый застарелый радикулит. Якобы рецепт её прабабки.

Не знаю, как насчёт Геринга, но майор Люфтваффе Руперт Гофман, его личный адъютант, сухой и лобастый, как старинная трость с набалдашником, похоже, всерьёз взял

красавицу Хелен под свою плотную опеку. Я убедился в том, что намерения Гофмана очень серьёзны, сразу же в тот первый вечер, когда впервые увидел её.

Гофман не отходил от Хелен, демонстрируя чудеса внимательности и обходительности. Она, как мне показалось, относилась к его ухаживаниям весьма благосклонно.

Вдруг во мне всё закипело. Нет, дружище Рупперт, ты меня не знаешь!

Чуткий Гельмут ловил моё настроение не хуже, чем суперсовременный английский радар ловил в то время вражеские самолёты в небе. Без каких-либо наводящих вопросов ушлый садовник, навыки которого, похоже, выходили далеко за пределы стрижки газонов и обрезания ветвей кустарников и деревьев, охотно поведал мне, что Гофман является не просто порученцем Геринга, а порученцем по особым вопросам. Его побаиваются не только на заводе, но, кажется, во всех структурах Военно-воздушных сил.

Влиятельный Гофман вроде бы как давно обхаживает Хелен, якобы именно он заметил её в баварском клубе планеристов и предложил сделать карьеру в Люфтваффе. Что касается амурных дел, похоже, сердце Королевы всё-таки остаётся незанятым, она не разменивается на случайные интрижки, глубоко предана лёгкому делу и отдаёт почти всё своё время лишь одному любовнику – дорогому Мессершмитту, поскольку всерьёз и без всяких шуток желает стать настоящим лёгчиком-истребителем.

Откуда мне было знать, что Хелен хочет стать не просто лётчиком-истребителем, а лётчиком – испытателем истребителей. О таком в тот момент я даже подумать не мог. Кажется, другая Королева, Её Величество Судьба, вела нас к знакомству и сближению.

Всё перевернула Рождественская ночь в канун Нового сорок первого года. Для нас, советских людей, было непривычно, но немцы отмечали Рождество.

Всё проходило празднично и весело. Никаких чопорных лиц и лицемерных светских разговоров я не заметил, хотя вроде бы старательно искал, надо же было обнаружить хоть какой-нибудь изъян в быте другой страны, тем более, демонстративно исповедующей иную идеологию.

Все веселились от души, кто как мог и как умел. Никто не обращал внимания, главное, чтобы не мешало, а способствовало веселью.

Хелен давно стала завсегдатаем наших вечеров. Тот праздничный вечер также не стал исключением. Гофман, как истинный кавалер, следовал за ней по пятам. Шампанское лилось рекой, а общие танцы вповалку продолжались до упада.

Когда все, наконец, заметно подустали, я решил слегка разнообразить концертную программу. Немцам всё-таки

не хватает широты, они – рабы шаблона.

Подражая интонациям Фёдора Шаляпина, под шикарный аккомпанемент моей тихони Урсулы Шиммель я спел песню «Очи чёрные». У Хелен, кажется, чуть шире открылись её бездонные серые глаза.

Тогда я закружил Королеву в лёгком вальсе. Коралловые губы замечательной девушки завлекательно приоткрылись.

Я усилил напор. Когда моя пробка, выстрелив из бутылки с пенящимся шампанским, попала точно в бокал, положенный на стол набок в качестве мишени, красавица Люфтваффе так раскраснелась, словно её всю с ног до головы покрыли поцелуи любимого мужчины.

Однако то было лишь начало! Немцы меня ещё не знали, хотя Хелен, возможно, догадывалась, поскольку у неё, как я узнал совсем недавно от милого садовника Гельмута, прабабка была с русскими корнями.

Что там Золушка, что там Белоснежка и все гномы, вместе взятые! Я с выражением продекламировал милую сказку в стихах о бельчонке в колесе.

Мотал бельчонок колесо и жизнь ругал, но девочка его спасла. Она была дочерью хозяйки и вынуть его из колеса, конечно, не смела. Она, милое золотое сердечко, сделала другое, – девочка его полюбила, и бельчонок сделал невозможное, он, вдохновлённый любовью, так разогнал своё проклятое колесо, что оно вдруг сломалось, и он вырвался на свободу!

Когда я, скромно застыв у рояля, умолк, в огромном светлом зале на мгновение воцарилась тишина. Когда же, наконец, разразились бурные аплодисменты, я увидел лицо Королевы и понял, что она отныне – моя. В её глазах зажглось то самое жаркое чувство, которое, похоже, удивительным образом спасло несчастного бельчонка.

6

Вместе с тем, я не просчитал все последствия своего поступка. В глазах бродяги Гофмана зажглось несколько иное пламя. Он, кажется, решил из рогатки прикончить бельчонка, так дерзко вырвавшегося на волю.

Вечер шумно продолжили в пивной. После моря шампанского, которое, кстати, бывает очень коварным, остались лишь самые стойкие пилоты, а также девчонки Магда, Урсула, ещё кто-то и, конечно, наша несравненная – красавица Королева Хелен.

Шампанское, кажется, на неё не действовало. Королева могла пить его по-королевски – вёдрами!

В этот момент Гофман притащил двадцатилитровую канистру превосходнейшего пива, и у меня ёкнуло сердце. Крутой помощник Геринга что-то задумал. Предчувствие, которое, не раз спасало меня в воздухе, не подвело на земле.

Мы резались в бильярд, как ненормальные. Гофман лил всем в рот щедрые пивные потоки, даже тем, кто не желал,

а сам, похоже, почти не пил.

Я выигрывал постоянно, потому что на втором месте после самолёта у меня по жизни был бильярд. Брат отца, мой незабвенный дядя Слава, с детства обучил меня некоторым тонкостям упомянутой многоплановой и увлекательнейшей игры.

Гофман, конечно, ничего не знал о дяде Славе, и думал, что мне просто везёт. Он упорно подливал мне пиво, а я в ответ забивал шары. Хелен восторженно хлопала в ладоши, радуясь моим победам, а Гофман хлопал ушами и скрипел зубами.

Сказать, что Гофман, позеленев от досады, стал напоминать гоблина, значит, ничего не сказать. Его впечатляющий орлиный нос, отяжелев, стал похож на поблёскивающую жиром аппетитно поджаренную баварскую колбаску. Эх, Гофман, Гофман, угомонись!

Однако вместо того, чтобы угомониться, Гофман затеял хождение на столах на руках, но здесь его также ждало крупное разочарование. Спасибо моему инструктору в лётном училище, он искренне полагал, что современный лётчик-испытатель должен прежде стать циркачом и акробатом в своём теле, тогда ему легко будет делать похожие трюки в кабине самолёта. Может, благодаря его суровой, но умелой школе я стал не просто лётчиком, а лётчиком-испытателем?

Задача состояла в том, чтобы пройти из угла в угол зала по придвинутым друг к другу бильярдным столам. Кто-то

дошёл до середины, кто-то чуть дальше, но пройти весь зал на руках по столам смогли лишь Гофман и, конечно, я.

Майор раздулся, как лягушонок, вознамерившийся превратиться в быка, но Хелен продолжала оказывать знаки внимания мне, а не ему. Мы мило общались, а Гофман был предоставлен сам себе, но вскоре оказалось, что не таков был мужик Рупперт Гофман, чтобы спокойно взирать на свои поражения.

Он затеял такое, от чего все, кажется, сразу протрезвели. Гофман на полном серьёзе предложил выгнать из ангара Мессершмитт и устроить соревнование.

Надо «всего лишь» проехать между двумя ангарами, где расстояние между стенами отличалось от размаха крыльев Мессершмитта всего на несколько сантиметров. Малейшая оплошность, и привет, – бесценному самолёту оторвёт крыло.

Все пилоты отказались, сославшись на самочувствие. В самом деле, наступал рассвет, сказывалась бешеная ночь, все еле держались на ногах.

Удачно сложившиеся во время вечера сладкие парочки тихо испарились, благоразумно посчитав, что вечеринка явно выдыхается и, более того, склоняется не к тем удовольствиям, которым пора бы, по логике, наконец, предаться.

Гофман с усмешкой посмотрел на меня. Он был уверен, что я спасую, но я, как назло, выглядел бодрячком.

В сопровождении поредевшей толпы мы прибыли на аэродром, прошли через проход в ограде, который знала Урсула, она сама его в своё время устроила. Девушка открыла ангар и быстро приготовила самолёт.

Пожалуй, в самом деле, неблагоприятное занятие – описывать картину, которую живописало наше импровизированное соревнование. Все были уверены и могли поспорить, что мы, увидев самолёт наяву, сразу тихонько сложим свои пьяные крылышки и передумаем. В самом деле, как можно в таком разобранном виде садиться в кабину новейшего скоростного эксклюзивного истребителя?

Однако Гофман был не только ревнив, он был твердолюб. Если он вдалбливал себе идею в голову, похоже, ничто не могло выдолбить её обратно.

Короче говоря, в конце концов, бродяга Гофман, походив несколько минут вокруг самолёта, словно советуясь с ним, всё-таки залез в кабину Me-109. Мы все затаили дыхание.

Тысяча шутов и ведьма в придачу! Гофман плавно проехал между ангарами, едва не зацепив их крыльями. Едва не зацепив, да, едва не зацепив, но не зацепив! Можете себе такое представить?..

Майор легко спорхнул с крыла Мессершмитта и с победным видом воззрелся на меня. Он хорошо знал, что повторить такое невозможно, а не на шутку обеспокоенное лицо

Хелен, как видно, доставляло ему особое наслаждение. Теперь она увидит, кто, на самом деле, лётчик-ас!

Скажу сразу, я тоже проехал на Мессершмитте между ангарами. Гофман кисло улыбнулся, но он не понял, с кем связался и кого разбудил для подвига. Я снова проехал на Мессершмитте между ангарами, но на этот раз с завязанными глазами.

Я чувствовал самолёт, как свои пять пальцев. Я кожей чувствовал края крыльев. Несчастный Гофман не знал, что в Китае, где мне довелось побывать, у меня как-то закончились патроны, но я всё равно сбил вражеский истребитель, ювелирно и нежно подцепив его край крыла краем крыла своего самолёта.

Что здесь началось! Мне дружно аплодировала вся честная компания.

Сладкие парочки, рассосавшиеся было по щелям, выскочили обратно. Судорожно натягивая на ходу штаны и юбки, они бежали к нам, желая узнать, что случилось. Такого удовольствия от зрелища публики, кажется, никогда ещё в своей жизни не получала.

Крутой лоск сполз с Гофмана, как кожа змеи весной. Он повёл себя не по-мужски. Разнервничался, швырнул канистру с остатками пива в Мессершмитт, словно самолёт был в чём-то виноват, одарил Хелен испепеляющим взглядом и гордо удалился. В мою сторону герой-любовник даже не посмотрел.

Гофман проиграл, он не решился управлять Мессершмиттом с завязанными глазами. Ушёл, так ушёл. Вечеринка продолжалась!

Мы снова весело пили пиво, шли куда-то по полю, потом по вишнёвому саду, потом брели обратно. Казалось, что канистра была волшебная, пиво не кончалось.

Скоро я остался с Урсулой и Хелен, все остальные потерялись в саду. Многие просто падали на траву и мгновенно засыпали.

Тихая Урсула оказалась на удивление стойкой девушкой. Она жарко шла рядом, но мы с Хелен так страстно обнимались, что ей, наконец, стало неудобно.

Я не помню, как, когда и где, но Урсула отстала. Дальше я помнил только, что канистра с пивом почему-то осталась у меня.

Теперь мы вдвоём с Хелен пили пиво прямо из горлышка и хохотали так, словно, волшебным образом превратившись в мальчика и девочку, вновь вернулись в счастливое детство, когда потребности тела особо ничего не значат, а жизнь есть всепоглощающая увлекательная беззаботная игра.

Мы продолжили с Хелен в ангаре, за мастерскими, затем на какой-то лужайке, под раскидистым древним дубом, затем снова в саду. Похоже, пиво, как и шампанское, она могла пить бесконечно.

В общем, мы наклюкались. Утром я никак не мог понять, – всё происходит наяву или во сне?

Я открыл глаза в спальне, нежась в шикарной постели, как арабский шейх, и не сразу узнал свою комнату в особнячке, потому что Королева Люфтваффе в длинном полотенце, намотанном на голое тело, стояла передо мной, ворковала какие-то ласковые слова и держала на серебряном подносе мою чашечку чёрного кофе.

Дальше был массаж. Её удивительные похлопывания по бёдрам сняли пивное похмелье, как рукой. Хелен диагностировала у меня смещение шейного позвонка и посоветовала простенькое, но весьма эффективное упражнение – очень лёгкое покачивание головой влево и вправо.

Я весь кипел и бурлил, мне было не до шейного позвонка, но следовало срочно ехать на аэродром, – в январе предстоял демонстрационный полёт, и начальство в связи с этим желало сообщить мне что-то срочное.

Всё у нас было, кроме интимной близости. Хотя моя Королева уверяла меня, что всю ночь лежала со мной в постели совершенно без одежды, а я сладко сопел, как новорожденный младенец, вместо того, чтоб воспользоваться моментом. В общем, сам виноват!

Хелен была очень нежна и ласкова, она вела себя так многообещающе, что я ей поверил. Мол, пусть не сейчас, а позже, но всё у нас будет!

Впрочем, поверил, как видно. зря. Наступили Рождественские каникулы. Мы ходили по берлинским выставкам и театрам, частенько заходили в пивную «Весёлая наковальня», где собиралось весьма колоритное общество – видные пилоты Люфтваффе.

Приятно было познакомиться и пообщаться. Пиво лилось рекой, а миловидная молодящаяся хозяйка пивной белокурая Эмма пила вместе с пилотами за милую душу и хохотала, как шестилетняя девчонка.

Между прочим, наверху у Эммы были устроены превосходные уютные комнатки. Там любой гость, желая в милом общении с существом противоположного пола снять свинцовый груз, повисший где-то ниже пояса, или просто уставший человек, за умеренную плату или какой-нибудь подарок мог спокойно переночевать. Я, честно говоря, каждый раз, идя с Хелен в «Весёлую наковальню», лелеял мысль, что комнатка наверху пригодится, причём очень скоро.

Эмма показалась мне тем приятным человеком, с которым вполне можно было дружить. Я подарил ей уникальную зажигалку, которую мне торжественно вручил дядя Жора перед отъездом в Германию. Наш хитромудрый заводской умелец сделал из средства зажигания сигарет и папирос средство самозащиты.

Как все народные умельцы, он втайне от начальства прикладывался к бутылке, но какой-то добрый человек не сдержался и сообщил. Дядю Жору отправили бы в ссылку ку-

да-нибудь на молокозавод, но я вступился за него перед самым главным конструктором. Когда я привёл примеры доблестных действий Георгия Степанова, которые, как позже выяснилось, неоднократно спасали опытные образцы истребителей от крушения, грозовые тучи над ним вмиг рассеялись. С тех пор он стал питать ко мне особую симпатию, к бутылке начал прикладываться гораздо реже, а вскоре перестал прикладываться вовсе.

Дядя Жора посоветовал передать зажигалку жене, но к тому моменту жена давно ушла от меня, рассказывать Жоре о личных перипетиях было некогда, поэтому зажигалка благополучно прибыла со мной в Германию.

Дядя Жора крутил, мутил, но секрет зажигалки не выдал. Посмеиваясь, он шепнул только, что тому, кто от неё прикурит, не поздоровится.

Эмма радовалась подарку, как пятилетняя девочка в бантиках. Она со смехом заметила, что в её деле средства самозащиты не помешают.

Я не знал, что сказать Эмме относительно действия зажигалки, поскольку сам не знал, каково её действие. Чтобы не выглядеть профаном, я предупредил, что тот, кто прикурит от неё, может впасть в кому, из которой, вообще-то, можно не выйти, поэтому применять чудо-защиту следует в самом крайнем случае.

Эмма, расцеловав меня в обе щёки, торжественно заявила, что лучшая комната наверху всегда в моём распоря-

жении, но, воспользоваться приглашением не удавалось, – зарядившись общением и пивом, Хелен клала мне ладонь на руку, и мы уезжали.

Девушка отвозила меня в мой особняк на шикарном Хорьхе с открытым верхом, который по слухам ей негласно передал в краткосрочное пользование сам Герман Геринг, нежно целовала в щёчку, мило махала ручкой и укатывала восвояси.

9

Так проходили мои дни. Кто-то скажет, мол, ничего себе, мне бы так!

Как объяснить такому горе-завистнику, что бурный от-дых, бьющий красочным фейерверком и праздничным цвет-ным фонтаном, – лишь обратная сторона медали. На другой её стороне – изнурительный, кропотливый, опасный и зача-стую неблагодарный труд.

Почему неблагодарный? Потому что, как правило, не слу-шают. Списывают на обыкновенную человеческую осторож-ность. Понятное дело, испытатель не хочет рисковать, – вот такой обычно следует ответ.

У конструктора всегда свои особые планы. Лётчик-испы-татель против них? Да он просто не знает всех возможностей самолёта!

Хочешь оставаться в обойме, – делай то, что тебе говорит

главный конструктор и знай, что если ты разобьёшься, виноват будет вовсе не самолёт и, уж тем более не главный конструктор, а ты, ты и ещё раз ты.

Приятная работа? Рискуй жизнью, выполняй заведомо провальные задания, потому что всем плевать на твоё мнение, и иди в полёт даже тогда, когда ты прекрасно понимаешь, что добром такое испытание не окончится. Так разбился Валерий Чкалов, так разбились многие наши лётчики-испытатели, а позже – некоторые из космонавтов, но я не хотел бы поднимать здесь столь специфическую тему.

У нас с Хелен, наконец, состоялось довольно бурное выяснение отношений. Она призналась мне, что никогда не имела близости с мужчиной. Она не желает размениваться на пустишки!

Её главная цель – овладение профессией лётчика-испытателя. У нас всё будет, но вначале она должна стать лётчиком-испытателем. Похоже, она предложила мне заключить своеобразный договор.

Я в очередной раз поверил. Мы штудировали самолёт, как модный французский женский журнал.

Хелен оказалась способной ученицей, и многое освоила всего за каких-то несколько месяцев. Я лез на стенку, но она делала удивительный расслабляющий массаж, после которого я спал, как ребёнок в колыбельке, и отвлекала меня культурными мероприятиями, а также пивом, прекрасным баварским пивом в нашей «Весёлой наковальне», и общением

с пилотами Люфтваффе. Занятные они были парни!

Хелен тоже была занятым парнем. Точнее, она была великолепным мужским психологом.

10

Когда я занялся обучением Хелен, кажется, случилось невероятное. Всего за несколько месяцев, помимо апробации нового Мессершмитта, я переучил планериста вначале на лётчика, а затем на лётчика-испытателя, причём учеником была девушка.

Немецкие коллеги были довольны. Они стали смотреть на меня как-то по-другому. Во взгляде появилось искренне уважение, грозящее перерасти в восхищение.

В день, когда Хелен впервые успешно осуществила свой первый самостоятельный испытательный полёт, нас чествовали в пивной, а поздним вечером у нас опять состоялся разговор, на этот раз в Берлине, в её белоснежной спальне. Пива больше не было, один лишь разговор.

Хелен сердечно поблагодарила меня и, вдруг погрузнев, сообщила, что седьмого июня заканчивается мой контракт, его не будут продлевать, потому что Москва якобы против продления.

Хелен, конечно, хотела продолжения отношений, но какой смысл? Я уезжаю, и когда приеду, неизвестно.

Политическая атмосфера наполнена странной неопреде-

лённостью. Все ждут каких-то грандиозных глобальных событий, по сравнению с которыми военно-экономическое сотрудничество Германии и СССР – игра в песочнице.

Ах, Хелен, Хелен! Милая моя девочка Хелен. Она, как всегда, опять была права.

Наше последнее свидание оказалось настолько безрадостным, что мне показалось, – померк свет. Я был совершенно выбит из колеи, между прочим, перед ответственным демонстрационным полётом, на котором должен был присутствовать сам Герман Геринг.

О, мир! Холодные и бесстрастные существа делают карьеру и живут. Горячие сердца гибнут, отравленные ядом иллюзии.

В конце концов, я проявил характер, взял и не приехал на очередное свидание, – мы собирались прокатиться по живописным пригородам Берлина. Я решил, что всё, с меня хватит! Однако она вдруг сама приехала ко мне в особняк.

За окном незаметно опускался светлый июньский вечер. Гельмут давно ушёл домой, мы были одни, и Хелен, как видно, была готова на всё.

Ни слова не сказав, она вошла в мою спальню и стала раздеваться, но я остановил её.

– Нет, Хелен, так не пойдёт. Нам не нужна глупая интрижка. Нам нужна полноценная семья, и я придумаю, как остаться в Германии.

Хелен стояла передо мной в настежь распахнутой блузе,

растёгнутой до предела сморщившейся на бёдрах юбке и, с изумлением глядя на меня, растерянно хлопала своими длинными пушистыми ресницами. Кажется, она не верила, что такое бывает. Мне даже показалось, что её женское самолюбие было немного уязвлено, однако в тот вечер я остался непреклонным.

В российском посольстве в Берлине у меня был приятель, мы давно делились друг с другом самым сокровенным. Виталия Сорокина я знал с тридцать седьмого года ещё по Китаю. Тогда я был рядовым лётчиком-истребителем, а он – рядовым помощником военного атташе.

Прибыв в посольство к Сорокину, я поведал ему свою историю.

– Виталий, смотри, может сложиться великолепная семья – советский лётчик и германская лётчица, но проклятый контракт, вернее, срок его окончания, перекрывает всё, как бронированный шлагбаум!

Виталий, как всегда, знал больше меня. Он посоветовал в самый последний день разбить что-нибудь. Да, взять и разбить, как фарфоровую чашку с чаем.

Начнётся служебное расследование, и меня задержат в Германии. Виталий обещал устроить всё так, что советская сторона не будет возражать против задержания лётчика Шаталова, то есть меня, до окончания служебной проверки.

– Начаться-то она начнётся, но вряд ли успеет закончиться до того, как грянут судьбоносные события мирового зна-

чения.

С этими словами Виталий как-то странно посмотрел на меня, но я тогда понял его неправильно, потому что он вдруг оглушительно захохотал, а затем сказал сквозь продолжающиеся приступы жизнерадостного смеха:

– Тогда ты сможешь лечь, наконец, со своей Королевой в законную супружескую постель, как счастливый глава нового интернационального семейства!

Однако, как сказал Виталий, он сможет убедить Москву смириться с моей задержкой в Берлине лишь при одном условии, – я должен сфотографировать все накопленные документы, в частности, свои отчёты о работе на заводе в Аугсбурге, и передать ему.

Близилось седьмое июня – срок окончания контракта. В этот день должен был состояться демонстрационный полёт – показательный воздушный бой между Мессершмиттами. С санкции Геринга серийный Мессершмитт было доверено пилотировать Рупперту Гофману, а экспериментальный – мне.

Герман Геринг обещал присутствовать. Вот когда я понял, что седьмое июня тысяча девятьсот сорок первого года – мой судьбоносный день.

Глава вторая. Шило

*Кипит во мне бельчонка кровь,
Вдохнула силы мне любовь,
Таким внезапно сильным стал,
Что колесо своё сломал!*

Владилен Елеонский, Бельчонок в колесе

1

Любой лётчик-испытатель знает удивительные свойства шила, не известные ни плотнику, ни сапожнику. Шило можно вставить в хвостовое оперение самолёта таким образом, что в момент резкого манёвра оно заклинит тяги, и машина потеряет управление.

Дальше воля случая, которая не пугает испытателя, – она является его родной стихией. Никакая экспертиза при всём желании не сможет на все сто процентов установить истинные причины аварии, а версии опытных специалистов, знакомых, в том числе с удивительными свойствами простого сапожного шила, доказательством в суде не являются.

Подготовка к демонстрационному полёту шла полным ходом, и вдруг неподражаемая Урсула сообщила мне, что есть такой куратор из гестапо по имени Эрих Нобль, противный субъект себе на уме, он роет под меня, как крот, грызёт подо мной, как моль. Нобль, видите ли, желает устроить гран-

диозную провокацию, но зачем она ему потребовалась, ей неизвестно.

– Дорогая Урсула, откуда ты узнала?

– Не спрашивайте, герр майор! Он ухаживает за мной, а я, я... В общем, не спрашивайте!

В довершение ко всему девушка разрыдалась у меня на груди. Я был в таком смятении, какое бывает у лётчика в кабине самолёта на взлёте в сплошной туман, когда видимость нулевая, а все приборы ориентации в пространстве, как назло, вышли из строя.

После памятной вечеринки с ковбойским ролеем на мустанге, в роли которого неожиданно оказался уважаемый Мессершмитт, Урсула сильно изменилась. Надо было быть крупным идиотом, чтобы не понять, что девушка влюбилась, и надо было быть полным дураком, чтобы не увидеть, в кого.

Милая Урсула, птичка певчая. Однако что я, интересно, мог сделать?

Все мои помыслы поглотила другая девушка. Дело не в том, что кто-то лучше, а кто-то хуже.

Искренность Урсулы, её чуткость, внимательность ко мне, самоотверженность в исполнении служебных обязанностей не переставали меня восхищать каждый день нашей совместной работы. Если я садился в самолёт, то знал, что не будет никаких недоразумений, вроде того, что масло решило испариться не вовремя, стекло в кабине подумало, что ему гораздо удобнее оставаться грязным, а новый трос элерона

вдруг закапризничал, как ребёнок.

Было очень приятно, когда Урсула без слов угадывала мои маленькие желания, – забирала перчатки, подавала полотенце, подносила термос с кофе или напёрсточек коньяка. Такой великолепный кофе получался только у пташки по имени Урсула, и такой вкусный коньяк ловко плескала в напёрсток именно Урсула, милая птичка в клетке авиационного ангара, тонкий голосок и чуткость которой творили настоящие чудеса.

Долгие взгляды Урсулы я неизменно оставлял без внимания и говорил только о работе. Теперь же, когда она, рыдая, сообщила мне об интригах Нобля против меня, я окончательно понял, что, седьмое июня, без всяких шуток, мой судьбоносный день. Прости меня, дорогая Урсула, но я люблю Хелен.

Нобль хочет моего тела, он его получит, а Сорокин вызволит. Главное, я останусь в Германии после окончания срока контракта и смогу решить свой личный вопрос.

Кстати, я добросовестно сфотографировал все свои наблюдения по Мессершмитту и вообще всей работе на германском авиазаводе на плёнку. Её вместе с портативным фотоаппаратом любезно предоставил Сорокин.

Я зашил крошечную кассету с готовой плёнкой в игрушечный башмачок гнома, который успел сшить в часы своего досуга, и передал его Сорокину, чтобы он передал игрушечный башмак с курьером в Москву для вручения в каче-

стве подарка моей племяннице, у неё в июне как раз день рождения. Понятно, что кассета с плёнкой, будучи вовремя вынутой из башмачка, двинется по другому московскому адресу.

Сорокин с видом волшебника заверил, что теперь всё делает, как надо. Нам даже удалось распить с ним бутылку сухого красного испанского вина.

Захмелев, он посоветовал мне быть немного осторожней в плане интима. Лобок рассказал ему, как товарищ Сталин стал свидетелем нашей с Хелен интимной сцены.

Я искусно изобразил удивлённое лицо, но не помогло. Сорокин оглушительно расхохотался.

– Брось, Шаталов! У тебя в особняке стоят «жучки». Тебя пишут на магнитофон и рисуют на киноплёнку. Ты у нас – кинозвезда крупной величины, наверное, Николай Черкасов, не меньше! Представь теперь, что подстроил Лобок. Я тебе сейчас расскажу. Монтаж не хуже, чем у Сергея Эйзенштейна. Товарищ Сталин решил ещё раз просмотреть киноленту «Александр Невский», чтобы убедиться в правильности намерения присудить фильму Сталинскую премию, поскольку кинофильм, по его мнению, вовсе не утратил актуальность, как полагают некоторые. Сюжет фильма ты, конечно, помнишь. Так вот, представь картинку. Крестonosцы в зловещих рыцарских доспехах в плотном конном строю с копьями наперевес мрачно шествуют в ледяном спокойствии под потрясающую музыку Сергея Прокофьева на вол-

нующиеся русские полки. Ещё миг, и бронированное свиное рыло врежется в русский пехотный строй. «Какой у нас замечательный режиссёр Сергей Эйзенштейн, – сказал товарищ Сталин. – Дай ему дерьмо, он из него конфетку слепит, только сейчас разглядел. Похоже, фильм, в самом деле, следует снять с полки». Однако ты ни за что не угадаешь, что произошло в следующий момент! Картинка вдруг поменялась. Вместо холодящего разум и сердце строя рыцарей Ливонского ордена симпатичная девушка в полотенце, обёрнутом вокруг голого впечатляющего тела, изогнулась в поклоне, словно японская гейша, и предложила на подносе кофе в постель какому-то мужчине, догадайся с трёх раз, кому. Причём кофе в постель происходило под ту же потрясающую по силе драматизма музыку. Не успел товарищ Сталин рот раскрыть, чтобы вопрос задать, как картинка успела вновь поменяться. Снова жуткие крестonosцы! Бронированное свиное рыло ударило, с трудом раздвинуло, затем протиснулось и глубоко вошло в русский строй. Двинулась ходуном жаркая бойня. Каково, а? Товарищ Сталин, ни слова не сказав, досмотрел фильм до конца. Вот выдержка! Он – человек мудрый, может промолчать, но никогда ничего не забывает. Лобок якобы не выдержал и сам пояснил, хотя товарищ Сталин ничего не спрашивал. Лобок объяснил, что монтажник напутал и случайно врезал кадр не из той бобины. Я думаю, Лобок лукавит, он специально тебя подставил. чтобы ты повис на крючке у вождя. Однако запомни, что интимные сцены –

ерунда. Твой подробный отчёт о работе на заводе в Аугсбурге и на аэродроме под Берлином перевесит все интимные сцены, вместе взятые, а задержка в Германии будет рассматриваться как ответственное секретное задание. Понял? Положись на меня. Всё будет хорошо, однако имей в виду, что за тобой внимательно смотрят из Москвы, не расслабляйся. Заграница для советского человека понятие весьма условное!

Я вопреки совету Сорокина как-то сразу расслабился после столь обнадеживающего заверения. Мы с Виталием лихо протестировали вторую бутылку эксклюзивного вина. Я вдруг почувствовал себя совершенно счастливым, прямо как в детстве, когда отец пообещал, наконец, взять с собой на рыбалку ловить не кого-нибудь, а настоящего сома!

Секретное задание под тем соусом, который невзначай приготовил Сорокин, меня вполне устраивало. Ещё бы!..

Всё складывалось замечательно. Оставалось лишь заму-тить, – Сорокин всё сделает, как надо. Даже обыкновенный рис становится блюдом, если в нём появляется перчинка. Для меня главное было под любым предлогом задержаться в Германии и жениться на Хелен, а дальше, я был уверен, всё образуется.

Казённые обстоятельства грудой водянистого пресного риса мешали осуществлению моей мечты, а Сорокин, словно опытный шеф-повар элитного московского ресторана, бросил оригинальную перчинку в невкусную рисовую мазню. Ай

Седьмого июня на военном аэродроме в пригороде Берлина на закрытом просмотре собрались именитые гости. Среди них выделялись гауляйтеры из Баварии и других земель. Спесивые нацистские бонзы с пивными животиками, крупными лысеющими головами, дряблыми серыми лицами и тусклыми, как агаты, глазами важно расселись на передвижной трибуне лётного поля.

В момент перед самым открытием мероприятия на белоснежном Хорьхе с открытым верхом подъехал Герман Геринг. Человек несведущий мог принять его за какого-нибудь князя Монако или итальянского короля, – таков был внешний вид ближайшего на тот момент соратника Гитлера.

Впечатляющий белый, как снег, мундир с ярко-алыми отворотами сидел превосходно, а великолепной фуражке с высокой тульей и внушительному позолоченному жезлу рейхсмаршала, в самом деле, наверное, позавидовали бы все без исключения европейские монархи.

Геринг дал отмашку, и представление началось. Пилоты Люфтваффе бодро прошли над аэродромом семёркой новых Мессершмиттов модели F-2 – Фридрих. Надо сказать, неплохой был для того времени самолёт, но вооружение, по моему мнению, было всё-таки слабоватым для войны, делавшей

ставку на скоростные и очень живучие штурмовики и бомбардировщики, способные мигом стереть с лица земли какой-нибудь огромный завод или мощную электростанцию.

После прохождения парадным строем Рупперт Гофман начал демонстрацию фигур высшего пилотажа на всём том же Фридрихе второй модели. Гитлеровские бонзы дружно задрали вверх потные лысые головы.

Гофман, как всегда, был великолепен. Его воздушная акробатика не оставила равнодушным ни одного зрителя, несмотря на то, что среди них присутствовали довольно кислые и самодовольные типы.

Изюминкой демонстрации стал показательный воздушный бой. К этому моменту моё судьбоносное шило лежало там, где ему следовало лежать, – в хвостовом оперении среди рулевых тяг. Я сунул его туда незаметно от Урсулы.

Дальше всё шло, как обычно, – выруливание на взлёт и проверка элеронов и рулей. Я уверенно вертел рулями туда-сюда.

Внешняя проверка ничего не выявила. Шило до поры до времени мирно покоилось среди тяг и не давало о себе знать.

Через минуту мы сцепились с милым Гофманом в воздухе. Задача была сесть на хвост. Кто сядет на хвост, тот победит.

Гофман был на всё том же F-2, а я был на Третьем Фридрихе – Мессершмитте модели Me-109 F-3. Он был изготов-

лен в единственном экземпляре, и бродяга Гофман, конечно же, хорошо знал об этом немаловажном нюансе.

Чтобы угодить Герингу, конструкторы рискнули единственным экземпляром. В случае его утери многомесячная работа по доводке самолёта летела коту под хвост.

Однако фюрер торопил с апробацией в воздухе, а Геринг желал угодить фюреру. Может быть, поэтому конструкторы посадили на единственную модель новейшего истребителя советского лётчика. В случае неудачи, всё спишется на него.

Ситуация меня вполне устраивала. Я опять не учёл лишь одного – пресловутый субъективный фактор, существенно отягощённый присутствием красивой женщины.

Гофман был силён падением коршуна с высоты, но вот такую фигуру высшего пилотажа, как «горка», он знал недостаточно хорошо в отличие от меня. Я всегда внимательно слушал советы Валерия Чкалова, лично был знаком с ним, все его замечательные идеи по пилотированию и тактике воздушного боя неизменно проверял в небе и брал на вооружение.

Вовсе не случайно Чкалов выделял особую роль «горки» в современном воздушном бою. Вот почему я отрабатывал «горку» до умопомрачения и мог пилотировать самолёт на «горке» с завязанными глазами.

Стремительным ястребом Гофман без труда зашёл мне в хвост. Теперь ему следует сесть на него, и тогда – победа.

Я легко ушёл в пологое пикирование на разгон, а затем по-

шёл на «горку». Гофман не отставал, но когда я ушёл на «горку», не дотянул, – неверно рассчитал угол подъёма. Как будто так просто рассчитать угол подъёма сообразно углу подъёма противника! В том заключался весь фокус.

Самолёт Гофмана потерял скорость раньше. Мне оставалось лишь осторожно подправить рули, которые, кстати, превосходно работали, поскольку я не делал резких рывков, поэтому шило продолжало мирно покоиться на своём месте.

Наступил самый ответственный момент. Дёрнешь ручку, и самолет свалится в штопор.

Успешно подправив рули, не в первый раз, как говорится, я развернул нос самолёта в сторону самолёта Гофмана, и он, как миленький, распластался в паутине моего прицела. Ура!

Гофман проиграл. В реальном бою в следующий миг он бы пожухлым осенним листом кружил вниз на Мессершмитте с развороченным брюхом.

Однако майор не упокоился и решил сыграть на том, что снизу манёвр, кажется, был не очень хорошо виден. Если не торопиться, мой самолёт успеет набрать скорость, вылетит вперёд и окажется у него перед носом. Тогда хитрюга Гофман сможет заявить о победе. Впрочем, достойная ничья его также вполне устраивала. В тот момент для него главным было любыми путями уйти от поражения.

Самолёт Гофмана стал медленно разворачиваться прямо передо мной. Если бы я ничего не сделал, столкновение случилось бы неизбежно.

Свинья, которую подложил Гофман, оказалась столь неожиданной, что я совершенно забыл о шиле и резко бросил самолёт в сторону и вниз, чтобы избежать авиакатастрофы.

Шило, как будто ждало своего судьбоносного момента. Оно сместилось и заклинило руль высоты.

Я вспомнил о шиле, но было поздно. Теперь я мог сделать лишь одно – в самый последний миг убрать крыло своего самолёта из-под удара, перевернувшись вниз головой.

Манёвр неожиданно удался. Мне снова повезло, а своей везучестью в воздухе я славился давно. Мессершмитты не столкнулись, они нежно потёрлись друг о друга животами, словно дельфины-родственники.

Самолёт Гофмана в следующую секунду рухнул вниз, а я сумел удержать машину и не свалился в штопор. В итоге Гофман прыгнул с парашютом, а его Мессершмитт разбился. Если не скромничать, то можно смело сказать, что седьмого июня тысяча девятьсот сорок первого года я, сам того не желая, сбил свой первый Мессершмитт.

Гофмана, бедолагу, увезли на карете «скорой помощи» в госпиталь, а я сумел посадить свой самолёт «на брюхо», всего лишь сломав крыло и погнув винт. Моя рассечённая бровь – не в счёт.

Что началось на аэродроме после того, как самолёты столкнулись, – передать словами невозможно. Муравейник, в который сунули дымящуюся головешку, – вот сравнение,

которое первым приходит на ум, но оно слишком банально и явно не отражает того, что было на самом деле.

Геринг, страшно налившись томатным цветом, укатил на лимузине, не сказав ни слова. Партийных бонз в течение пяти минут, словно в условиях спешной эвакуации, увезли куда-то в закрытую гостиницу под Берлином, где устроили грандиозный банкет. Там всё было, но, тем не менее, какой-то кислый и вечно всем недовольный тип всё же «капнул», и скрыть неприятный воздушный инцидент от фюрера не удалось.

3

В тот же день вечером меня посадили под домашний арест. Потянулись странные монотонные дни. Никто за мной не заезжал, чтобы везти на аэродром, а выйти я мог лишь пешком в ближайший городок, который не имел прямого автобусного сообщения с Берлином.

Хороший был городок, не помню мудрёное его название, уютный и чистенький, но там можно было купить лишь хлеб, сигареты и спички. О всех перемещениях, вплоть до того, какой походкой ты вышел на крыльцо магазина и каким манером закурил папиросу, глазастые провинциалы немедленно докладывали местному полицейскому начальнику, у которого на самом почётном месте рабочего стола величественно стоял чёрный эбонитовый аппарат прямой телефонной свя-

зи с гестапо.

Когда я сидел под странным домашним арестом, у Гельмута случилась авария, – прорвало старую канализационную трубу, видимо, ещё времён канцлера Отто фон Бисмарка.

Мы всю ночь черпали фекалии. Я держался бодрячком, и милый Гельмут после столь запоминающегося пахучего инцидента, который без моей помощи, наверняка, принёс бы ему множество неприятностей по службе, проникся ко мне особенным уважением.

Когда наша эпопея по сбору плодов цивилизации закончилась, утром за рюмкой коньяка, которым я с удовольствием угостил умаявшегося садовника, Гельмут, зарумянившись, как девушка от комплиментов, поведал нечто очень интересное.

Оказывается, особнячок, в котором мне довелось жить, не такой простой, каким кажется. В подвале, из которого мы накануне старательно черпали необыкновенную жижу, имеется бронированная дверь. Через неё можно попасть в подземный ход, который, как говорят, ведёт в секретное метро фюрера.

После того, как мы уговорили коньячную бутылку, Гельмут с обаятельным хохотком добавил, что шифр в замке бронированной двери простой – дата рождения Адольфа Гитлера.

Вдруг садовник глянул мне лицо так задорно и весело, словно вместо меня увидел прямо перед собой забавного

разукрашенного клоуна в цирке.

– Так что, герр майор, если вам надо бежать, я ничего не знаю.

Мне оставалось лишь поблагодарить чуткого Гельмута за заботу, но в тот момент следовало не бежать, а, напротив, оставаться под стражей и следствием. Я не терял надежды, ждал и дождался, наконец.

4

Колоритный гестаповец, приткий молодой человек с косой чёрной чёлкой, как у Гитлера, и модным пенсне на носу, как у Гиммлера, имел довольно слащавый вид. Он, наверное, думал, что ему предстоит долгий, нудный разговор с советским тайным диверсантом, поэтому запасся внушительным блоком французских сигарет и растворимым бразильским кофе в жестяной банке набиравшей в то время обороты швейцарской компании Nescafe.

Я удивился, что кофе можно приготовить, просто залив кипятком. Тогда растворимый кофе был в диковинку.

Эрих Нобль щедро угостил меня им. Как видно, ему доставляло особое удовольствие наблюдать моё изумление, отразившееся на лице в процессе дегустации старого напитка, приготовленного на новый лад.

Каково же было удивление гестаповца, когда я, напившись от души замечательного кофе, стал говорить о погоде.

– Погодите, герр майор, я всё-таки хотел бы узнать, какова ваша версия событий. Почему ваш Мессершмитт при выполнении манёвра потерял управление?

– Отказал руль высоты. Почему, я не могу вам сказать. Видимых признаков каких-либо неисправностей не было, всё проходило в штатном режиме. Механика винить не могу, она образцово выполняет свои обязанности, чему есть многократные, в том числе официальные подтверждения.

Нобль поил меня кофе и угощал сигаретами весь день, но ничего не добился. Я знал, что никакая комиссия не сможет обнаружить шило, оно просто вылетело в процессе крушения самолёта и теперь мирно покоится где-нибудь на дне ручья, среди ветвей деревьев или в чистом германском поле.

Я не знаю, сколько бы ещё трудяга Нобль сидел со мной, если бы в этот момент ему не позвонили. Он спокойно выслушал сообщение по телефону и также спокойно водрузил трубку обратно на рычаг аппарата, но затем вдруг впал в совершеннейшее безумие.

Я никак не ожидал от него такой внезапной и нервной вспышки. Представьте себе удава, который, мирно переваривая кролика, внезапно начинает дико изгибаться кольцами так, словно кролик в его желудке неожиданно превратился в дикобраза.

Не сказав ни слова, Нобль укатил на своём чёрном Мерседесе. Он даже забыл у меня кофе и сигареты. Я остался в гордом одиночестве и полном неведении.

Никто не имел права посещать меня, даже Хелен. Похоже, её таинственная связь с самим Герингом в моём случае не сработала.

Моё дело, как видно, совершенно неожиданно стало делом какого-то особого рода. А я так надеялся, что баловство влюблённого лётчика сразу же получит соответствующую оценку, дело о диверсии прекратится, Сорокин организует поддержку из Москвы, и моё пребывание в Германии будет продлено.

Прошёл ещё один тусклый день. Вернее, день-то был солнечным, тускло было у меня на душе.

Гестапо не подавало никаких признаков жизни. Поразмыслив за несколькими выпитыми подряд чашками растворимого кофе, я решил, что произошло нечто экстраординарное.

«Нет, дорогие товарищи, – подумалось мне тогда, – ждать у моря погоды я не буду».

В политике воцарилась муть сплошная, зато в личной жизни у меня – горная прозрачная вода. И пусть ярким синим пламенем горят политические проблемы!

Жизнь идёт независимо от того, что в очередной раз будет придумано высоколобыми черепами в высших сферах. По части невероятных придумок они – настоящие волшебники.

Вы там наверху, господа и товарищи, определяйтесь, кто прав, кто виноват, с кем вы собираетесь дружить, а с кем во-

евать, но не мешайте мне любить девушку, которая любит меня.

Наверху, конечно, сидят королевы, но они фигуры политические, а у меня своя Королева, и она – фигура душевная. Никакая война, никакая идеология не отберут её у меня!

Тем более, что Хелен совсем не похожа на дубовую фанатичку-нацистку. Я давно заметил, что она по большому счёту просто плюёт на идеологическую мишуру. Девушка искренне любит лётное дело, а главное, – она искренне любит меня.

Любит ли Хелен фюрера? Что тут сказать...

Фюреры, как искусственные наросты на теле народа, приходят и уходят, а естественные человеческие отношения остаются. Вряд ли идеологические отношения немецких девушек с фюрером можно назвать чем-то естественным.

Хелен была не только красива, но и проницательна, поэтому я был убеждён, что она не может не понимать упомянутой истины, столь очевидной для каждого человека, если только в груди у него бьётся живое сердце, а не лежит мёртвым грузом холодный, как лёд, камень.

Вдруг я так захотел увидеть Хелен, её глаза, услышать удивительный бархатный голос, что мне сделалось плохо. В голове помутилось, и я вспомнил тонкий намёк Гельмута на весьма толстое обстоятельство.

Бронированная дверь в подвале ждёт меня! Снять с полки, открыть справочник и узнать дату рождения фюрера, – было делом одной минуты.

Неожиданно совершенно некстати явился Гельмут собственной персоной, и моё путешествие по неизведанным лабиринтам секретного метро пришлось отложить. Хитрюга Гельмут, как всегда, пришёл не один, а с новостью, и она, как всегда, была до безобразия сногшибательной.

Вместо того, чтобы заняться тисовой аллеей, Гельмут повёл меня в сад. Здесь под ветвистой молоденькой яблоней мы погрузились в плетёные индийские стульчики и принялись уговаривать французский коньяк сделать нас веселее и добрее.

Когда пузатая бутылка, гордо стоявшая на низенькой миниатюрной табуретке, на которой проворный Гельмут обычно подрезал ветви садовых деревьев, покорно опорожнилась наполовину, у моего собеседника, наконец, в полной мере развязался язык. Гельмут заговорщицким тоном поведал, что случилось, и мне стало тошно, на самом деле и без всякого преувеличения.

Я сразу вспомнил детство, когда объелся сладких витаминов из большой пузатой коричневой стеклянной медицинской банки. Жёлтые горошинки имели такой замечательный вкус, что потом меня, трёхлетнего сладкоежку, всю ночь откачивали врачи детской больницы. То многочасовое тошнотворное послевкусие, так внезапно наступившее после

нескольких минут сладкого счастья, в течение которых мне удалось, не моргнув глазом, опустошить четырѐхсот граммовую банку, я запомнил на всю жизнь.

Новость состояла в том, что тихоня Урсула призналась в том, что подложила шило в хвостовое оперение Мессершмитта. Нобль не успел ничего сделать, его любовь арестовали, а победные релиции о «раскрытии вредительства» благодаря гибкости позвоночника лизоблюдов, которые всегда кожей чувствуют свой час, успели лечь на мраморный стол во дворце Геринга. Поздно, батенька, пить компот, когда он прокис.

Последнее замечание, кстати, относилось не столько к Ноблю, сколько ко мне. Я схватился за голову, не зная, что делать, чем сильно напугал приятно захмелевшего Гельмута.

Ах, Урсула, девочка, что же ты наделала?! Больше всего меня поразило то, откуда Урсула узнала, что у Мессершмитта руль высоты отказал именно потому, что в хвостовое оперение было подложено шило. Наверное, она всё-таки видела, как я его туда подложил.

В следующий миг я взял себя в руки. Гельмут ничего не должен знать о том, что шило – моих рук дело.

Мы дружно пожалели Урсулу. Я вторил Гельмуту, как второклассник учителю. Как она решилась на такое дело, зачем устроила диверсию?

Когда в бутылке не осталось ни капли, Гельмут вдруг, тяжело вздохнув, сообщил, что теперь Урсулу вряд ли когда-либо

выпустят. Предварительная проверка сразу открыла мотивы её поступка.

Оказывается, девушка при поступлении на завод скрыла в анкете информацию о своём двоюродном брате. Карл Шиммель был коммунистом. Он два или три года сидел в концлагере за участие в антифашистских выступлениях.

Меня так властно схватило за горло уныние, что Гельмут решил прийти на помощь. Он возжелал, видите ли, меня развлечь.

Бродяга Гельмут повёл не куда-нибудь, а в тот самый секретный тоннель, который скрывался за той самой бронированной дверью.

– О, вам предстоит впечатляющая экскурсия, герр Валерий! Обещаю.

6

Тоннель, в самом деле, был довольно живописен. Как пояснил красный, как варёный рак, Гельмут, так на него почему-то из всех спиртных напитков действовал лишь один французский коньяк, пригородная подземная железнодорожная сеть фюрера была предельно простой и состояла из двух веток. Они соединялись как раз неподалеку от военного аэродрома в предместье Берлина, того самого аэродрома, над которым проходили демонстрационные полёты, в том числе с моим участием.

Один конец ветки вёл от аэродрома в депо, где стоял наготове бронепоезд фюрера. Именно по этой ветке мы с Гельмутом сейчас ехали на дрезине, но не в сторону депо, а в сторону аэродрома.

Мы, как туристы, любовались великолепными сводчатыми потолками. В тусклом свете лампочек они напоминали своды карстовых пещер, славящиеся своими сказочными рельефами.

Второй конец ветки сливался с берлинским метро и никто не знал, по какому маршруту она шла, поскольку дальше начиналась разветвлённая железнодорожная инфраструктура берлинского метрополитена. Гельмут сказал, что самым популярным у фюрера мог быть, конечно, маршрут в сторону рейхсканцелярии.

Дрезина была ручной. Мы довольно интенсивно работали железной ручкой, и постепенно развили приличную для такой колымаги скорость.

Вдруг зелёный сигнал на проходном светофоре сменился на жёлтый. Похоже, сзади идёт поезд. Насколько я знал, такой сигнал приказывает машинисту снизить скорость, поскольку перегон, следующий вслед за перегонном, на котором следует снизить скорость, занят.

Путевым обходчикам в таких случаях следовало освободить путь. Дрезина была относительно лёгкой, поэтому она просто переворачивалась, и рельсы освобождались для прохода поезда. По крайней мере, так было в СССР.

Гельмут хитро покосился на меня.

– Я знаю, о чём вы думаете, герр Валерий. Я же не идиот. Хотите безобидно пошутить, но так, чтобы шутка доказалась до самого фюрера?

– С чего ты взял, дружище, что я хочу шутить, да ещё именно так? Ты часом не ясновидящий?

– Бросьте, герр Валерий, я не слепой! Вы хотите остаться в Германии с Хелен. Так оставайтесь!

Я был поражён так, словно меня тряхнуло электротоком. Откуда Гельмут всё знает? Садовник с каждой минутой всё больше и больше вызывал у меня странные смешанные чувства.

Однако размышлять было некогда. Гельмут предлагал шанс, и я не мог от него отказаться, каким бы дурацким он ни был. Тем более, что Гельмута, скорее, можно было принять за хитреца, но отнюдь не за дурака.

Сзади послышался шум. С каждой секундой он доносился всё явственней. Несомненно, к нам быстро приближался состав.

– Гельмут, стоп! Надо перевернуть дрезину.

– Нет, тысяча колбас, быстрее, там, впереди, развилка!

– Что ты затеял, дуралей?

– Путь-дублёр уходит влево и соединяется с веткой, уходящей в берлинское метро. Кто из нас дуралей?

Я совершенно ничего не понял, но благоразумно счёл, что пока лучше ничего не спрашивать. Шум нарастал, поезд

приближался.

Мы приблизились к развилке. Слева от путей в тусклом свете я увидел рычаг железнодорожной стрелки. О его присутствии свидетельствовал указатель, он был полосатый, чёрно-белый, поэтому я легко различил его в свете аккумуляторного фонаря нашей дрезины.

Мы остановили дрезину. Гельмут всмотрелся в разьёмы рельс и удовлетворённо цокнул языком. Проехав стрелку, мы поехали по развилке вправо, к аэродрому, но вдруг Гельмут остановил дрезину и соскочил с сиденья.

Сзади показался яркий луч прожектора. Он плавно скользил по рельсам. Судя по движению луча, поезд шёл довольно медленно.

Гельмут потянул за торчавший вверх рычаг стрелки и перевёл рельсы. Когда запыхавшийся Гельмут прыгнул обратно в дрезину, мы спешно поехали дальше.

В туннеле из-за поворота показался поезд. Вряд ли машинист нас заметил, дрезина успела нырнуть в тень крутых сводов тоннеля.

Так я увидел бронепоезд Гитлера. Состав выглядел, как игрушечный, – четыре или пять серебристых бронированных, но очень изящных вагончиков. Во вкусе фюреру не откажешь, похоже, что он обожал вещи-конфетки.

Гельмут налегал на рычаг изо всех сил, он спешил выбраться из тоннеля. Я помогал ему, как мог.

Не прошло минуты, как мы выбрались наверх и показали наши пропуска часовому в будке. Честно говоря, я удивился, как Гельмута пропустили на аэродром, по какому документу, но он лишь ухмыльнулся в ответ на мой немой вопрос.

Из того, что я не значился в чёрном списке на контрольно-пропускном пункте, я сделал вывод, что мой арест был неофициальным. Версию о моих диверсионных действиях, как видно, никто всерьёз не рассматривал.

Мы подошли к ангару, где томился мой покорёженный Мессершмитт. Урсулы, естественно, на рабочем месте не было.

Сварив кофе, мы с наслаждением пригубили его. Я посмотрел в хитренькие глазки Гельмута.

– Давай-ка, старый лис, сознавайся, ты, конечно же, знал время отправления подземного бронепоезда фюрера из депо на аэродром. Что теперь будет?

– Ничего особенного, герр майор. Машинист перейдёт из головы в хвост состава, переключит тягу двигателя и приедет на аэродром по ветке, которая идёт сюда из Берлина, а не из депо. Шутка, несомненно, будет замечена. Начнётся проверка. Часовой в будке доложит о том, что мы примерно в то же самое время вышли из тоннеля. Нас арестуют, но вы же именно этого хотели, герр майор!

– Что же я скажу на следствии?

– Валите всё на меня, а я буду молчать, как рыба. Сколько дней вам надо? Я выдержу!

– О, Гельмут, дружище, хотя бы две недели. Шоколад и коньяк станут твоей повседневной пищей.

– Выдержу, будьте спокойны.

Однако в действительности всё пошло совсем не так, как предсказал Гельмут. Вернее, поначалу всё шло именно так, а затем – не так.

Мы не успели допить наш кофе, как были обнаружены гестаповцами. Бравые молодцы в строгих костюмчиках мило подхватили нас под белые ручки и немедленно отвезли в Берлин.

8

Оказалось, что бронепоезд шёл на аэродром, чтобы встретить не кого-нибудь, а самого Мартина Бормана. Товарищ по партии Борман, как всегда, вёз фюреру что-то особо секретное, скорее всего, очередную картину какого-нибудь великого художника в подарок, а бронепоезд опоздал на десять минут.

В опоздании поезда вряд ли можно было увидеть трагедию. Трагедия состояла в том, что произошёл взрыв. Да, именно так. В туннеле грохнул взрыв!

Французская противотанковая мина рванула в тот самый момент, когда бронепоезд фюрера проходил в тоннеле. Бро-

непоезд не пострадал. Секретный поезд пошёл на развилке влево, а взрыв произошёл в тоннеле, который уходил вправо.

Другими словами, если бы Гельмут не перевёл стрелку, поезд фюрера был бы повреждён и на какое-то время непременно вышел бы из строя. Мелочь, но как она действует на нервы. Надо знать тонкие нервы фюрера, чтобы понять, какова будет его реакция!

Какой был нам с Гельмутом смысл закладывать мину, если мы перевели стрелку и пустили поезд по другой ветке? Да, мы пошутили, но наша шутка случайно спасла бронепоезд фюрера.

Короче говоря, нас выпустили в тот же день. Похоже, нас никто не собирался наказывать, что казалось вполне логичным.

Мы продолжили разговор в компании с добрым французским коньяком, запасы которого заметно оскудели. Конечно, в глубине души я понимал, что эпизод с поездом произошёл неслучайно, и что Гельмут – тёмная лошадка, но выяснить в тот момент подоплёку событий у меня не было никакой возможности. Всё прояснилось гораздо позже.

Наутро меня снова ждал сюрприз. Похоже, они стали выстраиваться в очередь, теснясь взволнованной толпой у входной двери.

Когда фюрер загорался идеей, погасить её могла лишь другая идея, однако при условии, что она исходила от него же и была ещё более захватывающей. Чрезвычайно нервный, взрывной и подвижный, он мог за день навертеть груды дел.

Однако к вечеру часто впадал в меланхолию. Тогда вождь уединялся в спальне со своей красавицей, подругой жизни Евой Браун, и до полуночи, лёжа в кресле, читал английские газеты, в то время как она пила кофе и лакобилась превосходными шоколадными конфетами, до которых фюрер, впрочем, тоже был большим охотником.

Однако разговор не о том. Очередным сюрпризом оказалась моя встреча с Адольфом Гитлером. Сам того не ведая, я предотвратил крушение его бронепоезда, который он ценил так, как мальчик ценит свою любимую игрушку, поэтому, видимо, пожелал встретиться со мной лично.

Дул свежий июньский ветерок. С открытой террасы секретной виллы открывался превосходный вид на Альпы. Величественные горы гипнотизировали наблюдателя белоснежными вершинами, а фюрер – своим взглядом, хотя гипноз фюрера был далеко не таким величественным и волшебным, как обаяние Альп.

Так в детстве каждого из вас, наверное, с первого взгляда очаровывал совершенно незнакомый мальчуган из соседнего подъезда, который, вдруг пристально посмотрев на вас, неожиданно придумывал новое применение вашему игрушечному самосвалу.

До этого вы думали, что ваш самосвал может только песок в песочнице бестолково перевозить, а парнишка увидел, что в кузов вашей машины как раз вмещается кукла не кого-нибудь, а той самой девочки, которая вам давно нравится. Теперь вы не смотрите на неё издали, лишь вздыхая, – вы возите её куклу на своём самосвале по двору к её подъезду, вы смогли не просто познакомиться с ней, вы, наконец, подружились, и всё благодаря тому мальчишке, который, однако, давно забыл о вашем существовании и брызжет новыми идеями.

Необъяснимое очарование! Наверное, если бы я был семнадцатилетней Евой Браун, у меня ещё не так закружилась голова, а она именно закружилась, когда девушка впервые его увидела.

Фюрер, кажется, искренне любил своего собеседника. Он необъяснимым образом угадывал его тайные желания и находил быстрые способы их удовлетворения. Непонятно, как фюреру в две секунды удавалось становиться закадычным другом человека, которого он видел впервые в жизни.

Однако где-то в глубине сердца, там, где, как говорят старики, притаилась душа, неясная тревога подсказывает вам, что искреннее к вам расположение преследует некие непонятные вам цели. Вы не знаете до конца всего, значит, здесь кроется какой-то обман.

Обаятельный парнишка вдруг растворяется в воздухе и проявляется тайный агент более старшего и сильного маль-

чугана, давно возомнившего себя королём двора и положившего глаз не только на ваш самосвал, но и на вашу красивую девочку. «Эй, салага, тот, кто пристаёт к моей девчонке, платит дань, гони сюда свой самосвал!»

Вот вы и попались. А выдумали, что... но чудес, как видно, не бывает.

Какую же дань приготовил для меня фюрер? А может, моя интуиция стала подводить меня, и, на самом деле, он открыт, душевен, доброжелателен, искренен? По крайней мере, говорил он, кажется, предельно откровенно.

– Жаль, герр майор, что новейший наш Мессершмитт разбился, но с другой стороны вы спасли опытный образец. Сломанное крыло и погнутый винт – ерунда. Главное, что начинка самолёта осталась в целости и сохранности. Вы, кажется, совершили чудо!

Принесли горячий шоколад. Мы пили его из маленьких чашек. Фюрер со смехом, словно своему однокласснику, рассказывал обстановку, сложившуюся вокруг меня.

– Борман предложил прекратить нянчиться с вами. Случай с бронепоездом стал последней каплей. О, Мартин, как всегда, радикален и считает славян неполноценной расой, поэтому предложил отправить вас в концлагерь и забыть о вашем существовании.

После этих слов фюрер расхохотался, как ребёнок. Я пил шоколад с таким видом, словно лакомился не прекрасным сладким эксклюзивным напитком, а кислыми помоями.

– Гиммлер, напротив, клятвенно пообещал мне, что из Валерия Шаталова получится образцовый эсэсовец. Дивизия СС Викинг с нетерпением ожидает вас, герр майор. Правда, с полётами вам придётся на какое-то время распрощаться. В зелёных СС Гиммлер приготовил вам место командира гренадерского бронетранспортёра.

Фюрер следил за моей реакцией. Только теперь я понял, куда вляпался со всеми своими наивными стремлениями.

– Очень вкусный шоколад, господин рейхсканцлер.

– Понимаю, что ж, я так и думал. Кстати, Геринг пытается убедить меня, что не надо тормозить вас. Вы и Хелен фон Горн – прекрасная пара, и Геринг был бы рад создать новую арийскую семью под флагом Люфтваффе. Вас ждёт блестящая лётная карьера и счастливая семейная жизнь.

– Такого вкусного шоколада я в жизни не пробовал, господин рейхсканцлер!

– Замечательно. Я не удивлён. Лишь один доктор Геббельс безоговорочно поддержал меня. Он, как всегда, очень образно обрисовал мне перспективы и последствия. Вы хотели бы остаться в Германии, герр майор, но те варианты, которые возможны и которые я вам сейчас озвучил, к сожалению, осложнят наши без того непростые отношения с Иосифом Сталиным.

Фюрер вежливо подал мне папочку, которая во время беседы сиротливо лежала на краю кофейного столика, но теперь, как видно, пришёл её час. Я раскрыл папку и к своему

великому изумлению увидел в ней советскую газету «Труд» за вчерашнее число.

Я негнушима пальцами развернул газету. Фюрер несколько нервозно забарабанил тонкими чувствительными пальцами художника по своему не менее чувствительному колену.

Текст, который мне следовало прочесть, был аккуратно очерчен красными чернилами. Статья называлась «Провокации не пройдут».

Заметка была небольшой, но очень эмоциональной. В ней красочно расписывались перспективы отношений Германии и СССР, а в конце была напечатана фраза, от которой меня бросило вначале в холод, а затем в жар: «Мы знаем, что есть люди, желающие оставить нашего прославленного лётчика Валерия Шаталова в Германии и объявить о том, что он попросил у германского правительства политического убежища. Провокация не пройдёт, ничего у наёмников английского империализма не выйдет. Им не удастся столкнуть лбами Германию и Советский Союз».

Фюрер резко поднялся. Я – тоже. Фюрер улыбнулся, а я выглядел, кажется, неважно.

– Я был бы рад помочь вам, герр майор, но, к сожалению, вы зашли не с того края. Если бы вы прямо сообщили мне о своих намерениях, будьте уверены, я нашёл бы приемлемый вариант. Теперь, когда ваше дело получило огласку, я не могу ничего сделать. Вам необходимо срочно возвращать-

ся в Советский Союз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.